

**БЫТЬ УСЛЫШАНЫМ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ
(РЕЦ. НА: АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ:
СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД / ОТВ. РЕД. А.В. ГОЛОВНЁВ,
Э.-Б.М. ГУЧИНОВА.
М.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ, 2021. 559 С., ИЛ.)**

Т.Д. Соловей

Татьяна Дмитриевна Соловей | <https://orcid.org/0000-0002-7453-297X> | tsolovei19@yandex.ru | д. и. н., профессор кафедры этнологии исторического факультета | Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Ленинские горы 1, ГСП 1, Москва, 119991, Россия)

Сборник статей приурочен к 80-летию юбилею академика В.А. Тишкова. Это часть давно сложившегося корпоративного ритуала празднования круглых дат, включающего публичное чествование, публикацию трудов юбиляра, посвящение ему специальных изданий со статьями учеников и почитателей. Тем более, если речь идет не только о фигуре значительной по совокупности общественных и академических заслуг, но и о человеке, дожившем до почтенного возраста, сохранившем ясность и остроту ума, живую связь с обществом, наукой, молодежью. Прибавлю еще публичность Тишкова (академическую, общественно-политическую), чья жизнь проходила “на виду”, на глазах строгих “правдолюбцев” из числа сограждан и “инквизиторов” от науки. Такова обратная сторона

Рецензия поступила 16.01.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 25.01.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Соловей Т.Д. Быть услышанным властью и обществом (рец. на: Антропология и этнология: современный взгляд / Отв. ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. М.: Политическая энциклопедия, 2021 // Этнографическое обозрение. 2023. № 3. С. 232–236. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030132> EDN: CQNQIC

Solovei, T.D. 2023. Byt' uslyshannym vlast'iu i obshchestvom [To Be Heard by the Authorities and Society]: A Review of *Antropologiya i etnologiya: sovremennyyi vzgliad* [Anthropology and Ethnology: A Modern View], edited by A.V. Golovnev and E.-B.M. Guchinova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 232–236. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030132> EDN: CQNQIC

известности и влияния: ты принадлежишь толпе так же, как толпа принадлежит тебе.

Фигуре юбиляра посвящен первый раздел сборника – “Конструируя Тишкова”. Биографический очерк “Антропология и этнология академика Тишкова” выписан А.В. Головнёвым так мощно и размашисто, что успешная (даже блестящая – с точки зрения общепринятых представлений о социальном успехе) биография советского/российского ученого выглядит величественной и почти героической. Это героический миф о культурном герое, который *участвовал в конструировании эпохи* (с. 17). Здесь верно схвачена квинтэссенция эффективной профессиональной самореализации, где административная карьера, число публикаций и материальный успех лишь средства, а подлинная цель – востребованность, участие в государственном целеполагании, влияние на умы и установление обратной связи с обществом. Автор биографического очерка, находящийся в восходящем административно-карьерном и академическом тренде, на пике интеллектуального расцвета, неизбежно самоопределяется посредством одной из самых успешных в этнологической корпорации постсоветского времени карьер, бессознательно соотносит собственный опыт и картину мира с плодами общественно-научной деятельности старшего коллеги.

Тишкову благодаря уникальной костелляции обстоятельств (внешних/контекстуальных, биографических, характеристик психотипа) выпал редкий шанс выступить в роли не пассивного наблюдателя и/или жертвы драматических социо-политико-культурных коллизий 90-х годов прошлого века, а влиятельного их актора. На протяжении более чем 30 лет он определял облик отечественной этнологии, воплощал нормативистские характеристики ученого. Возникает естественный соблазн оценить результаты этой общественно-научной активности.

Тишков небезуспешно пытался реализовать экспертный потенциал этнологии, осуществив глубокую аналитическую проработку истоков, хода, результатов двух чеченских войн. Наилучшей демонстрацией экспертных возможностей этнологии могло бы стать *предотвращение* этой военно-политической трагедии, чего, к сожалению, не случилось. Результаты интеллектуального штурма чеченского “кейса”, осуществленные постфактум, а также главный вывод, будто “сторонниками конфликта выступают отнюдь *не народы* (курсив мой. – Т.С.)” (с. 17), представляют собой проекцию личностной картины мира эксперта, элиминирующего этничность. Однако эти трагические события были вызваны не “рептилоидами” с планеты Нибиру, а участниками их стали не социологические абстракции. Беспрецедентная демографическая динамика титульного *этноса* республики и радикальное изменение *этнического* баланса в Чечне послужили истоком сепаратистских тенденций.

Тишков выступил главным протагонистом разработки и продвижения концепции “российской нации”, формирования политического/гражданского сообщества “россиян”. Головнёв тезизирует это следующим образом: “Реквием по этносу” стал “концептуальной платформой”, а вышедшая через 10 лет книга “Российский народ” – “стратегией действия” (с. 18). Этот вдохновляющий проект в случае успеха его реализации мог стать триумфальным свидетельством участия этнологической науки в государственном целеполагании. Открытым остается вопрос, был ли голос ученого-этнолога услышан властью и обществом.

Казавшийся необратимым кризис имперской и мессианской идентичности, который охватил население России в 1990-х и начале 2000-х годов, не ведет автоматически к выводу, будто в России сформировалась политическая, граж-

данская нация “россиян”. Да, росло число жителей России, идентифицирующих себя как “граждане России”. Но что это для них значило? Прежде всего, идентификацию с территорией и государством, а не с политическим сообществом “россиян” – общностью, имеющей интегрирующие ценности, интересы и символы. Все это блистательно отсутствовало. На символическом уровне “россиян” объединяло и объединяет лишь одно событие – Великая Отечественная война. А ведь “только широко разделяемые ценности, символы и принимаемый общественный порядок могут обеспечить низовую (базовую) легитимизацию и делают государство жизнеспособным” (см.: Тишков 1997: 115).

Во втором десятилетии XXI в. концепт “русской нации” переместился на периферию общенациональной повестки, постепенно выходил из употребления, а в последние 7–8 лет вовсе исчез из официального дискурса (его ситуативное возвращение в публичное пространство произошло в 2018 г. в связи с обсуждением поправок к Конституции РФ). Эвфемизм “дружный народ”, предлагаемый Тишковым, выглядит в современной России таким же далеким от реальности, как химера “дружба народов” в СССР. А на уровне официальной государственной риторики происходит очевидная реанимация квазиимперских великодержавных образов и символов, апологетика советских практик.

Что касается плодов сугубо академической деятельности юбиляра, то их серьезный разбор и осмысление до сих пор не сделаны. Тишков *конструировал* постсоветскую этнологию, исходным пунктом чего стала *деконструкция* советской этнографии. Избыточный нигилизм и гиперразрушительный пафос в отношении советского наследства отпечатался болезненной травмой в умах и сердцах предстателей профессии профессионального цеха. Но в лихорадочном возбуждении хаоса декоммунизации об этом не думалось. Главным казался достигнутый результат: после отмены “единственно верного учения” в академическом сообществе воцарились “вольнодумие и мультиметодологичность” (с. 20). На естественно возникающий вопрос, удалось ли этнологам преодолеть коллективную травму и сформировать на развалинах советской науки новый дисциплинарный Космос, еще предстоит дать развернутый и аргументированный ответ.

Не менее важным, чем определение теоретико-методологических контуров русской этнологии/антропологии, в деятельности Тишкова в должности директора ИЭА РАН стало продвижение нового научного этоса и нормативистских характеристик ученого.

Идеал ученого, отекающий юбиляром, – “особый род людей, менее одержимых жизненным преуспеванием, но любящих самоорганизацию и не терпящих внешних вмешательств” (с. 21) – демонстрирует критическое недопонимание психологического профиля интеллектуального класса и его социального запроса, а также слабо соотносится с реальностью. Попытки приписывать российским ученым якобы свойственные им аскетизм, надмирную/идеальную ориентацию и одержимость наукой, очевидно, игнорируют фундаментальную природу человека. Людьми в их деятельности движут сложные комбинации интересов – идеальных и материальных, и их разведение, тем более противопоставление, возможно лишь как чисто интеллектуальная операция. Стремление к “жизненному преуспеванию” представляет собой психологическую и социальную норму, а достойное вознаграждение интеллектуального труда есть базовое условие успешного развития науки. Глубоко ненормальным является тот факт, что ученый в России, влача нищенское существование, “одержим” борьбой за выживание.

“Любовь” к самоорганизации, а тем более способность к ней – удел немногих, цельных и волевых личностей. Ученый вправе предпочесть “самоорганизации” плановость в организации научной деятельности, реализуемую коллективными усилиями в рамках хорошо структурированного сообщества. Но если отсутствует внятный государственный запрос, если академические институты не способны сформулировать исследовательский вектор, ученые выживают, самоорганизуясь каждый на свой лад. В российской ситуации “самоорганизация” носит вынужденный характер, выступает отражением предельной атомизации научного сообщества, синонимом стихийного “самотека” этнографической работы, а в худшем случае – синонимом “ненужности”.

Способность противостоять “внешним вмешательствам” – это крайне редко встречающееся, практически уникальное в гуманитарном цехе качество. Ровно наоборот, как свидетельствует мой многолетний опыт историографических изысканий, высокая адаптивность, готовность терпеть “внешние вмешательства” и соотнобразовываться с ними, массовый конформизм отечественных ученых в протяженной исторической ретроспективе составляют устойчивую тенденцию, интеллектуальную и психологическую норму.

Записанное Э.-Б.М. Гучиновой интервью с Тишковым – это яркий образчик автоэтнографии, прекраснодушный миф о времени, об этнологии и о себе в этнологии. Тишков, например, подчеркивает, что никогда не был сторонником директивного стиля управления: “За четверть века уверенного директорства мне не удалось изменить выбранную или навязать новую тему ни одному своему сотруднику” (с. 21). Боюсь ошибиться, но здесь устами Тишкова, который много лет занимал должность директора ИЭА РАН, говорит *самонадеянность силы*. Люди в массе своей конформны, и ученые не составляют в этом смысле счастливого исключения. Риторика начальства априори воспринимается как директива и непосредственное руководство к действию. А система грантов (стимулирующих надбавок) через материальное поощрение “актуальных” тем (степень их актуальности определяет лицо, облеченное административной и финансовой властью) фактически означает их жесткую селекцию, осуществляемую сверху.

В отношении современного состояния цеховой дисциплины (дисциплин), Тишков демонстрирует оптимизм: в 1990–х годах это исследовательское направление отсутствовало, а спустя 30 лет “можно уверенно сказать, что сегодня есть такая наука – российская антропология и этнология” (с. 3). Подобная рефлексия исходит от человека, претендовавшего на то, чтобы стать “локомотивом” науки нового мира и в этом смысле “обреченного” утверждать ее триумфальное рождение. Иначе придется признать неуспешными результаты 30-летней интеллектуальной инженерии.

Рецензируемый сборник предназначен выступить зримым доказательством этого впечатляющего успеха. Его проблемно-тематическая и теоретико-методологическая калейдоскопичность, очевидно, свидетельствует о “цветущей сложности” российской этнологии. Но, возможно, это отражение ее постдисциплинарного статуса и размывания предметной определенности.

Впечатляющий круг авторов (40 видных ученых!), представляющих научные учреждения (обеих столиц и региональные) этнологического и не этнологического профиля, демонстрирует триумфальную экспансию этнологии и антропологии в социогуманитарное знание, *антропологический поворот* интеллектуального дискурса. Но если верна максима “антропология – наука без границ, свод знаний о человеке”, то для ее демонстрации следовало бы включить в сборник труды маркетологов, экспертов моды, медиков, фармацевтов,

косметологов, чья деятельность строится на глубоком знании и понимании природы человека. А если имеется в виду антропология в узком цеховом смысле, то ее контуры должны быть обозначены, а исследовательское поле – структурировано.

Участие в рецензируемом сборнике зарубежных ученых служит зримым доказательством вписанности отечественной этнологии/антропологии в мировой интеллектуальный контекст. Или, что вероятнее, демонстрирует личный авторитет юбиляра и наработанные им индивидуальные интеллектуальные связи.

Подытоживая: юбилейный сборник статей как минимум свидетельствует о том, что этнология и антропология в России существуют (при этом представители данных дисциплин сохраняют способность к научной рефлексии), как существует и современный взгляд на их бытие. Это тем более важно, потому как современность характеризуется упадком и постнормальностью.

Научная литература

Тишков В.А. Что есть Россия? (Перспективы нации-строительства) // Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. С. 115–138.

Book Review

Solovei, T.D. To Be Heard by the Authorities and Society [Byt' uslyshannym vlast'iu i obshchestvom]: A Review of *Antropologiya i etnologiya: sovremennyy vzgliad* [Anthropology and Ethnology: A Modern View], edited by A.V. Golovnev and E.-B.M. Guchinova. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 3, pp. 232–236. <https://doi.org/10.31857/S0869541523030132> EDN: CQNQIC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Tatiana Solovei | <https://orcid.org/0000-0002-7453-297X> | tsolovei19@yandex.ru | Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, GSP 1, Moscow, 119991, Russia)